

ФАЗА ПЕРВАЯ

ДЕВУШКА

1

Однажды вечером во второй половине мая человек средних лет шел домой из Шестона в деревню Марлот, находившуюся неподалеку, в долине Блекмор, или Блекмур. Ноги его не слушались, и он то и дело отклонялся влево от прямой линии. Иногда он энергично кивал головой, словно в подтверждение какой-то мысли, хотя, в сущности, ни о чем определенном не думал. Пустая корзинка из-под яиц висела у него на руке; ворс на шляпе был взъерошен и совсем вытерт в том месте полей, где их касался большой палец, когда человек снимал шляпу. Вскоре с ним повстречался пожилой священник, который ехал на серой кобыле и мурлыкал какую-то песенку.

— Добрый вечер, — сказал человек с корзинкой.

— Добрый вечер, сэра Джон, — отозвался священник.

Пешеход, сделав еще два-три шага, остановился и оглянулся.

— Прошу прощения, сэра, в прошлый базарный день мы с вами встретились в это же время, на этой же дороге,

и я сказал: «Добрый вечер», а вы, вот как сейчас, ответили: «Добрый вечер, сэр Джон».

— Совершенно верно, ответил, — сказал священник.

— И еще раз перед этим — почти месяц назад.

— Возможно.

— Ну так почему же вы меня зовете «сэр Джон», когда я просто Джек Дарбейфилд, возчик?

Священник подъехал к нему поближе.

— Так мне захотелось, — сказал он и, секунду поколебавшись, добавил: — Видите ли, не так давно я разыскивал родословные для новой истории графства и сделал одно открытие. Я — священник Трингхэм, антикварий из Стэгфут-Лейна. Неужели вы не знаете, Дарбейфилд, что вы происходите по прямой линии от древней рыцарской семьи д'Эрбервиллей, которые ведут свой род от сэра Пэга на д'Эрбервилля, того знаменитого рыцаря, что приехал из Нормандии с Вильгельмом Завоевателем, как видно из записей, хранящихся в аббатстве Бэттл?

— Никогда об этом не слыхивал, сэр.

— Однако это так. Приподнимите-ка голову, чтобы я мог получше разглядеть ваш профиль. Да, это нос и подбородок д'Эрбервиллей, слегка огрубевшие. Предок ваш был одним из тех двенадцати рыцарей, которые помогали лорду Эстремавилла в Нормандии при завоевании Глеморганшира. Ветви вашего рода владели поместьями в этой части Англии; имена ваших предков упоминаются в списках королевского казначея во времена короля Стефана. При короле Иоанне один из них был настолько богат, что мог подарить поместье рыцарям-госпитальерам, а при Эдуарде Втором ваш предок Брайан вызван был в Вестминстер для участия в Великом Совете. Ваш род начал приходить в упадок во времена Оливера Кромвеля, но потом положение опять изменилось, и при короле Карле Втором ваши предки за верность королю были

посвящены в рыцари Королевского Дуба. В каждом поколении вашего рода был сэр Джон, и будь рыцарское звание, подобно баронетству, наследственным, каковым оно на деле и являлось в былые времена, когда сын рыцаря почти всегда посвящался в рыцари, — вы были бы теперь сэром Джоном.

— Да не может быть!

— Короче говоря, — внушительно заключил священник, похлопывая себя хлыстом по ноге, — вряд ли в Англии найдется второй такой же род.

— Лопни мои глаза! Да неужто в самом деле? — сказал Дарбейфилд. — А я-то тут болтаюсь год за годом, как неприкаянный, словно самый что ни на есть простецкий парень в приходе!.. И давно это обо мне известно, сэр?

Священник объяснил, что, насколько он может судить, сведения эти давно затерялись и вряд ли кто-нибудь помнит сейчас об этом. Сам он прошлой весной, занимаясь изучением судьбы рода д'Эрбервиллей, заметил однажды на какой-то повозке фамилию Дарбейфилд, и это побудило его навести справки о родословной ее владельца, и теперь он уверен, что его предположение оказалось верным.

— Сначала я решил не тревожить вас такими бесполезными сообщениями, — сказал он. — Однако разум наш иногда не может справиться с нашими побуждениями. Я подумал: пожалуй, вам уже кое-что об этом известно.

— Да, я слышал разок-другой, что семья моя знавала лучшие дни до той поры, как приехала в Блекмур. Но я не обратил внимания, думал — речь идет о том, что когда-то мы имели двух лошадей, а теперь держим только одну. Есть у меня дома старая серебряная ложка и старая резная печать; но, господи помилуй, велика штука — резная печать!.. И подумать только, что я и эти благородные д'Эрбервилли — одна плоть и кровь! Люди толковали, что у прадеда моего была какая-то тайна и он не любил говорить о том, откуда

пришел... А осмелюсь спросить вас, сэр, где поднимается теперь дым над нашим очагом, — ну, то есть, где мы, д'Эрбервилли, живем?

— Вы нигде не живете. Ваш род угас.

— Плохо дело.

— Да... как говорят лживые семейные хроники, род пресекался по мужской линии — иными словами, зачах, пришел в упадок.

— Ну а где мы лежим?

— В Кингсбир-суб-Гринхилле; там множество ваших склепов, и ваши изваяния покоятся под сводами из пурбекского мрамора.

— А где же наши родовые замки и поместья?

— У вас их нет.

— О! И земли нет?

— Никакой; хотя земли, как я уже сказал, у вас когда-то было много, ибо ваш род состоял из многочисленных ветвей. В этом графстве было у вас поместье в Кингсбире и еще одно в Шертоне, а также в Милпонде, в Лулстеде и Уэллбридже.

— А вернется ли к нам когда-нибудь наша собственность?

— Ну, этого я не могу сказать.

— Так что же вы мне посоветуете делать, сэр? — помолчав, спросил Дарбейфилд.

— Ничего; а впрочем, попробуйте очистить свой дух, размышляя о «падении сильных мира сего». Все это представляет интерес лишь для историка здешних мест и человека, занимающегося генеалогией, — но и только. Среди поселян нашего графства есть несколько семейств, почти не уступающих вам в знатности происхождения. Ну, до свидания!

— А не согласитесь ли вы, сэр, повернуть по этому случаю назад и распить со мною кружку пива? В трактире

«Чистая капля» подают очень хорошее пиво, — хотя, конечно, оно будет похуже, чем у Ролливера.

— Нет, благодарю вас, Дарбейфилд, — не сегодня: вы уже достаточно выпили.

С этими словами священник поехал своей дорогой, сомневаясь, благоразумно ли он поступил, сообщив эти любопытные сведения.

Когда он уехал, Дарбейфилд в глубокой задумчивости сделал несколько шагов, а затем присел на поросшую травой придорожную насыпь, поставив корзинку перед собой. Спустя несколько минут вдали показался юноша, который шел в том же направлении, что и Дарбейфилд. Последний, заметив его, поднял руку; юноша ускорил шаги и подошел ближе.

— А ну, парень, возьми эту корзинку! Я хочу дать тебе поручение.

Долговязый юноша нахмурился:

— А вы кто такой будете, Джон Дарбейфилд, чтобы приказывать мне и называть меня «парень»? Вы мое имя знаете не хуже, чем я ваше.

— Да ты-то знаешь ли? Вот в чем секрет, вот в чем секрет! А теперь слушай меня и исполни поручение, которое я тебе дам... Ну, Фред, я, уж так и быть, открою тебе тайну: я происхожу из благородной семьи, — я это узнал только что, как раз сегодня вечером.

И, объявляя эту новость, Дарбейфилд, небрежно откинувшись, растянулся на траве среди маргариток. Юноша стоял перед Дарбейфилдом и оглядывал его с ног до головы.

— Сэр Джон д'Эрбервилль — вот кто я такой, — продолжал лежавший. — То есть был бы им, будь теперь рыцари баронетами, — а раньше ведь так оно и было... Все сведения обо мне занесены в историю. Известно ли тебе, парень, такое место — Кингсбир-суб-Гринхилл?

— Да. Я был там на гринхиллской ярмарке.

— Так вот, под церковью в этом городе лежат...

— Какой же это город — то местечко, о котором я говорю? Во всяком случае, когда я там был, оно городом не было — так себе, маленькое глухое местечко.

— Неважно, парень, город это или не город, не о том идет речь. Под церковью этого прихода в огромных свинцовых гробах, которые весят много тонн, лежат мои предки — сотни их — в кольчугах и драгоценностях. В графстве Саут-Уэссекс не найдется человека, который имел бы в своем роду покойников, знатнее и благороднее моих.

— Да ну?

— Теперь бери эту корзинку и ступай в Марлот, а когда придешь в харчевню «Чистая капля», скажи, чтобы немедленно прислали за мной лошадь и карету отвезти меня домой. А в карету пусть положат бутылочку рому и запишут на мой счет. А когда ты это сделаешь, ступай с корзинкой ко мне домой и скажи моей жене, чтобы она отложила стирку, потому что ей незачем ее кончать, и пусть ждет, пока я не приеду, — есть у меня для нее новости.

Так как юноша стоял в нерешительности, Дарбейфилд сунул руку в карман и извлек шиллинг, хотя их у него было не так уж много.

— Вот тебе за труды, паренек.

После этого юноша оценил все случившееся совсем по-иному.

— Слушаю, сэра Джон. Благодарю вас. Чем еще могу вам служить, сэра Джон?

— Скажи им там, дома, что я бы хотел на ужин жареного барашка, если они могут его раздобыть; а если не могут — кровяную колбасу; а если и этого не могут, — ну, тогда я обойдусь рубцами.

— Слушаю, сэра Джон.

Юноша взял корзинку и тронулся было в путь, как вдруг с той стороны, где находилась деревня, донеслись звуки духового оркестра.

— Что это? — спросил Дарбейфилд. — Уж не в мою ли честь?

— Это гулянье женского клуба, сэръ Джон. Да ведь ваша дочь в нем тоже состоит.

— Верно, я совсем об этом забыл, размышляя о более высоких предметах. Ну, отправляйся в Марлот и закажи карету, а я, может быть, поеду погляжу на этот клуб.

Юноша ушел, а Дарбейфилд остался лежать на траве в маргаритках, золотившихся в лучах заходящего солнца. Дорога была совсем пустынна, и только приглушенные расстоянием звуки оркестра возвещали о присутствии людей в этой долине, окаймленной синими холмами.

2

Деревня Марлот расположена на северо-западном склоне красивой долины, которая, как говорилось выше, называется Блекмор, или Блекмур, — уединенной долины, опоясанной грядою гор и в большей своей части еще неведомой туристам и художникам-пейзажистам, хотя находится она в четырех часах езды от Лондона.

Лучше всего можно познакомиться с долиной, обозревая ее с вершин холмов, которые ее окружают, — неблагоприятным для этого временем является, пожалуй, только пора летних засух. Но блуждать без проводника по уединенным ее уголкам в плохую погоду — значит почти наверное возненавидеть эти узкие, извилистые и грязные тропы.

Эта плодородная и защищенная область, где поля никогда не бывают сожжены солнцем, а источники никогда не пересыхают, ограничена с юга крутым меловым кряжем

с вершинами Хэмблдон-Хилл, Балбэрроу, Нетлком-Таут, Догбери, Хай-Стой и Баб-Даун. Путник с побережья, пройдя десятка два миль на север по известковым холмам и пашням и достигнув края одного из этих обрывов, с изумлением и восторгом созерцает раскинувшуюся у его ног, словно карта, страну, совсем не похожую на ту, которую он миновал. Позади него — пологие холмы, поля, залитые солнцем, такие обширные, что пейзаж кажется ничем не обрамленным; дороги там белы, живые изгороди низки и ветки их кустов густо переплелись, воздух бесцветен. А здесь, в долине, мир словно построен по меньшему и более изящному масштабу: поля невелики, и с высоты окаймляющие их живые изгороди кажутся сеткой из темно-зеленых нитей, растянутой на светло-зеленой траве. Воздух внизу дремотен и так густо окрашен лазурью, что средний план, говоря языком художников, также принимает синеватый оттенок, а дальше, на горизонте, темнеют глубокие ультрамариновые тона. Пахотной земли мало, и почти везде раскинулась широкая пышная мантия из травы и деревьев, одевающая более низкие холмы и долины, замкнутые высокими холмами. Такова долина Блекмур.

Местность эта представляет не только топографический, но и исторический интерес. В былые времена долина называлась Лесом Белого Оленя, и с ней связана любопытная легенда, повествующая о том, как в царствование короля Генриха III неким Томасом де Линдом был убит великолепный белый олень, которого загнал, но пощадил король, — и наказанием за это был высокий денежный штраф. В ту пору и до сравнительно недавнего времени здесь были дремучие леса. И по сей день виднеются еще следы их: склоны долины кое-где одевает дубняк и сосновые рощи, а на пастбища бросаются огромные дуплистые деревья.

Леса исчезли, но сохранились некоторые древние обычаи, родившиеся под их сенью; многие из них, однако, ли-

бо видоизменились, либо существуют в замаскированной форме. Пляску Майского дня, например, можно было наблюдать в день, о котором идет речь, под видом клубного праздника, или «клубного гулянья», как называли его в тех краях.

Обычай этот ревностно соблюдался молодежью Марлота, хотя истинный его смысл был неведом участникам церемонии. Особенность этого праздника заключалась не столько в самой процессии и плясках, сколько в том, что в процессии участвовали одни женщины. В мужских клубах такие празднества устраивались чаще, хотя и выходили из моды; но природная ли робость слабого пола или саркастическое отношение родственников-мужчин лишило те женские клубы, какие еще существовали (если имелись таковые, кроме клуба марлотского), блеска и веселья. Только клуб в Марлоте еще организовывал празднества в честь местной Цереры. В течение столетий он устраивал шествия — еще с тех пор, когда был не клубом, а своеобразным женским орденом — и продолжает устраивать их и по сей день.

Все участницы процессии были одеты в белые платья — веселый пережиток далеких дней, когда беззаботность и май были синонимами, — дней, предшествовавших тому времени, когда привычка заглядывать далеко вперед стерла яркость эмоций. Сначала, построившись попарно, они обошли вокруг деревни. Идеал и реальность слегка повздорили, когда солнце осветило шествие и фигуры четко выделились на фоне зеленых изгородей и домов, обвитых ползучими растениями, ибо, хотя все участницы процессии одеты были в белые платья, здесь не было двух одинаковых белых тонов. Иные платья сияли снежной белизной, в других проглядывал синеватый оттенок, тон третьих, облакавших особ постарше (и, быть может, пролежавших сложенными много

лет), казался желтовато-мертвенным, и сшиты они были по моде времен Георгов.

Однако этих женщин и девушек отличало не только белое платье: каждая из них несла в правой руке жезл — ивовый прут, с которого была содрана кора, — а в левой букетик белых цветов. И каждая должна была сама снять кору с прута и выбрать цветы для букета.

В процессии участвовало несколько женщин средних лет и даже пожилых, — их серебряные жесткие волосы и морщинистые лица, исхлестанные временем и невзгодами, странно не вязались с окружающим весельем, вызывая если не насмешку, то, во всяком случае, — глубокую жалость. В сущности, о каждой из этих женщин, отягченных заботами и опытом, — о каждой женщине, чьи годы приближают ее к возрасту, о котором она скажет: «Он не дает мне радости», можно было бы узнать и рассказать гораздо больше, чем о молодых их товарках. Но оставим пожилых ради тех, в чьих жилах кровь пульсирует быстро и жарко.

Молодые девушки были здесь в большинстве, и роскошные их волосы отливали в лучах солнца золотыми, черными и каштановыми тонами. У одних были красивые глаза, у других — красивый нос или красивый рот и фигура, но почти никто из них не обладал всем этим одновременно. Было заметно, что, выставляя себя напоказ, они нарочно сжимают сурово губы, не умеют нести голову высоко и не могут стереть с лица смущение, — это были настоящие деревенские девушки, непривычные к тому, чтобы на них глазели.

Их всех равно пригревало солнце, но у каждой было и свое маленькое солнышко, в лучах которого грелась душа: какая-нибудь мечта, привязанность, фантазия или хотя бы туманная, слабая надежда, которая, не получая пищи, чахла, быть может, но продолжала жить, как живут надежды. И потому все были беззаботны, а многие веселы.